

Итак, Нагель трактует моральные требования и ценности вообще как рациональные и объективные основания для человеческих действий, не зависящие от желаний, чувств, интересов и нужд человека и имеющие нормативный характер. Возможность таких рациональных и объективных мотивов человеческой деятельности он видит в том, что человек всегда может сделать шаг в сторону, выйти как бы за пределы самого себя и задаться вопросом: что мне следует делать, если я нахожусь в такой-то ситуации и если я испытываю такие-то желания, стремления, подвергаюсь такому-то давлению со стороны окружающей среды и так далее. Наиболее важным, отмечает Нагель, здесь является то, что, задаваясь таким вопросом, человек ищет правильный ответ, а не пытается уяснить некоторое свое желание более высокого уровня, то есть, человек

«старается решить, что при данных внутренних и внешних обстоятельствах следует делать, и это означает — не что я должен делать, а что должен делать любой человек при таких обстоятельствах». Из этого следует, что моральные суждения, как правило, выражаются не в форме от первого лица, а являются безусловными и безотносительными по характеру.

Джон Ролз «Теория справедливости», 1971.

Ч. Тэйлор «Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами» 1980.

Д. Ролз, «Идея блага и приоритет права», 1988.

Nagel T. The Last Word.

М Сэндел «Либерализм и пределы справедливости», 1982.

МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОССИИ

М.Ю. Мирошников

Современные события и процессы, происходящие в России, такие, как предложение Президента об изменении порядка выборов руководителей субъектов РФ, мировой терроризм и его проявление в Беслане, неминуемо пробуждают ряд вопросов. Каким образом политическая ментальность проявляется в политическом дискурсе? Как ментальные структуры того или иного народа отражаются на его дискурсивных практиках? Ответы на данные вопросы предполагают анализ соотношений таких весьма многозначных понятий как ментальность и дискурс.

Если под дискурсом понимать все то, что не только проговаривается, но еще и мыслится, и чувствуется во время коммуникации, т.е. то, что ведет в итоге к пониманию предмета, о котором идет речь, поскольку участникам коммуникации известны необходимые для этого культурные коды, то именно этот *невидимый и неслышимый план дискурса, называемый нами виртуальным, является репрезентацией феномена ментальности*.

Ментальность, актуализируясь в дискурсах текстов, речей, образов, символов, различных культурных и социальных практиках, тем самым обнаруживает себя, «всплывает на поверхность» определенной своей частью, «проговаривается».

Проговорившаяся в дискурсах ментальность не выставляет всю себя наружу, а показывает только «вершину айсберга». Разглядеть ее «подводную» часть — задача дискурс-анализа.

Но чтобы провести такой анализ, надо хотя бы в главных чертах представлять, в каком направлении следует проводить исследование, т.е. выяснить, что собой представляет эта виртуальная реальность под названием «ментальность».

Существует множество определений понятия «ментальность». Об этом множестве уже написано множество работ. Для нас главным источником в этом океане точек зрения является авторитетное мнение представителей французской школы исторических и социальных исследований, известной

Михаил Юрьевич Мирошников,
аспирант Института философии и права
УрО РАН

как школа «Анналов», благодаря которым данный термин вошел в широкий научный оборот.

Программа изучения ментальных структур определенных исторических эпох и народов является фирменным знаком школы «Анналов». Впервые ментальность как особый предмет исследования предстала в творчестве одного из основателей данной школы М. Блока. В своем фундаментальном труде «Феодальное общество» (1939), ставшем классикой медиевистики, Блок специально остановился на «особенностях чувств и образа мыслей» людей раннего средневековья. В сфере его внимания оказались отношения средневекового человека к природе и ко времени, коллективные религиозные представления, память, эпос, язык. Свойства человеческой ментальности рассматривались Блоком в тесной связи с характеристиками социальной структуры и материальной жизни.

Большой вклад в изучение конкретно-исторических ментальных структур внес другой лидер школы «Анналов» Л. Февр. В своем самом известном труде «Проблема неверия в XVI в.: религия Рабле» (1942) Февр приходит к важному выводу:

историк, чтобы понять духовный мир человека, должен обнаружить те интеллектуальные процедуры, способы восприятия, архетипы сознания, которые были присущи людям исследуемой эпохи и в которых они не отдавали себе ясного отчета, применяя их «автоматически», не задумываясь об их природе и содержании. Изучая «автоматизмы» сознания, можно пробиться к глубинным пластам, «подслушать» то, о чем люди «проговорились» независимо от своей воли¹.

Следующий этап в разработке теории ментальности связан с творчеством учеников Блока и Февра — Р. Мандру, Ж. Дюби и Ж. Ле Гоффа. Они обогатили методологию исследования ментальности методами психоанализа, антропологии, структурной лингвистики, семиотики, системного анализа. Вот как Дюби определял тот смысл, который он и Мандру вкладывали в понятие «ментальность»: «... Это система (именно система) в движении, являющаяся, таким образом объектом истории, но при этом все ее элементы тесно связаны между собой; это система образов, представлений, которые в разных группах или странах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно определяют поступки и поведение людей. Изучение этих не имеющих четких контуров и меняющихся с течением времени систем затруднительно, необходимые сведения приходится собирать по крохам в самых разных источниках. Но мы были убеждены, что все взаимоотношения внутри общества столь же непосредственно и закономерно зависят от подобной системы представлений (носителем которой выступает система образования), как и от экономических факторов. Вот почему мы предложили систематически изучать ментальность»².

По словам Ж. Ле Гоффа, ментальность — это не только мир понятий, но и мир представлений. История ментальностей — «...это история неясного, имплицитного»³.

Ж. Ле Гофф склонялся к тому, чтобы трактовать ментальность как сферу воображаемого, как коллективное воображение. Воображаемое не сводится ни к идеологии, ни к интеллектуальному представлению, ни к осмысленному восприятию внешней реальности. Воображаемое не отражает, а пересоздает реальность, претворяет ее в образы, рожденные фантазией, вдохновением, поэтическим чувством. Изучать мир воображаемого значит проникать вглубь коллективного сознания общества.

Анализ мира воображаемого, считает Ле Гофф, очень важен для «антропологизации» самых разных наук, в том числе и политической истории. В своей работе «Политическая история — всегда ли это основной хребет истории?» Ле Гофф говорит о желательности интеграции в политическую историю проблематики символического и воображаемого. Темой этой ментальной политической истории могли бы, к примеру, стать политические литургии (церемонии миропомазания и коронования монархов), символика власти, интриги, символические стратегии правящих элит, воплощаемые в деятельности посольств, в празднествах и погребениях суверенов и т.п.

Особой точки зрения на предмет истории ментальности придерживался другой представитель школы «Анналов» А. Буро. В своей статье «Предложения к ограничению истории ментальностей»

(1989) Буро предлагает отказаться от понимания ментальности как коллективной психологии и создавать историю ментальности только как описание конкретных высказываний, образующих подоснову различных дискурсов.

Дискурсы, согласно Буро, это одновременно и процесс и результат в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо. В основе любого дискурса лежат коллективные высказывания, которые и выступают предметом истории ментальности. Функцию коллективных высказываний могут выполнять рассказы, легенды, элементы невербальной сферы. В книге «Простое тело короля» (1988) Буро показал, что эти элементы вовсе не являются простой иллюстрацией некой идеологии, но *очерчивают некое коллективное семиотическое пространство*, в рамках которого находили себе место и обряды погребения королей, и личное благочестие королей, и институциональное утверждение королевского дома. Иногда в качестве коллективного высказывания выступает художественное изображение. В заключении своей статьи Буро подчеркивает, что под коллективными высказываниями он подразумевает не господствующие дискурсы, не дискурсы большинства, а «диагональные» высказывания, лежащие в основе многих дискурсов и придающие значительную степень единства определенной эпохе, образуя общий фон различных социальных «регистров»⁴.

В начале 70-х гг. прошлого века проблема ментальности оказывается предметом исследования отечественных ученых. Активной разработкой данной категории мы обязаны прежде всего А.Я. Гуревичу — основателю российской историко-антропологической школы. Ментальность, по Гуревичу, — социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать. Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания, неотрафелированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков. Идеи на уровне ментальности — это не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей определенной социальной средой, восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, искажает и упрощает. На этом уровне удастся расслышать такое, о чем нельзя узнать на уровне сознательных высказываний⁵.

На социальном и социальнопсихологическом уровнях ментальности, согласно Гуревичу, можно рассматривать как «видение мира», «модель мира», «картину мира», складывающуюся в сознании людей различных эпох, характерную для определенной социальной общности.

Одним из важных ракурсов изучения ментальности как социально- и культурно-исторически обусловленной картины мира является проблема специфики национальных образов мира. Наиболее глубоко данный аспект ментальности разработан отечественным культурологом Г.Д. Гачевым, опубликовавшим целую серию работ по данной теме («Национальные образы мира. Космо-Психологос», «Русская Дума», «Русский Эрос», «Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством» и др.).

В трактовке Гачева национальная ментальность выступает синтезом трех образующих ее начал — месторазвития нации (Космос или национальная

природа), души народа (национальный характер) и духа (язык, логика)⁶. В каждом из начал находят свое отражение два остальных. Так, например, язык рассматривается как голос национальной природы, Космоса: «В фонетике каждого языка имеем портативный Космос в миниатюре: именно — *переносимый*, так что можно и не ездить в чужую страну («ума искать и ездить так далеко!»), чтобы постичь ее менталитет, а надо вслушиваться в язык...»⁷.

В последние годы появилось немало работ, посвященных политической ментальности как таковой и, в частности, российской политической ментальности⁸. В структуру политической ментальности (употребляется также близкий по содержанию термин «менталитет») ряд авторов включает такие компоненты, как политические представления, политические ценности и аттитюды, политические идеи и идеалы, политические верования и убеждения, габитус, стереотипы восприятия власти и политических феноменов, символические образы власти и их коды, массовые политические ожидания, настроения и чувства, приобретенные политические знания и др.

Все многообразие структурных компонентов политической ментальности Е.Б. Шестопал, известная своими исследованиями в области политической психологии, группирует следующим образом: первую группу представляют компоненты, представляющие *содержательную сторону* ментальности (взгляды, ценности, чувства и т.п., которые складываются в определенные идеологические «ярлыки»), вторую группу образуют *когнитивные компоненты* ментальности (стиль политического мышления, операциональный код, характер политических рассуждений, способ восприятия политической системы)⁹.

При характеристике стиля политического мышления политические психологи обращают внимание на такие его стороны, как *понятийная сложность или простота, доверие или недоверие к партнеру, инструментальный акцент (ориентация на «дело»)*. Отмечается, что низкая понятийная сложность чаще встречается у левых и правых радикалов, чем у либеральных политиков и их сторонников¹⁰.

Важную методологическую роль в осмыслении взаимосвязи ментальности и дискурса играет применяемое в политической психологии *понятие операционального кода*.

Категория «операциональный код» применяется психологами для анализа связи ментального и поведенческого планов политических деятелей. Непосредственным источником анализа операциональных кодов является дискурс политика. «На основании вербальных проявлений политического сознания политический психолог может реконструировать и поведенческие характеристики личности. О тех или иных компонентах операционального кода мы можем судить по выражениям в речи политика чувств, оценок, прямых апелляций к аудитории. Много могут сказать о ключевых представлениях операционального кода усиливающиеся наречия и риторические вопросы, отрицания, определения и другие вербальные формы проявления указанного элемента политического сознания»¹¹.

Таким образом, ментальность в рамках политической психологии рассматривается прежде всего как устойчивый набор мыслительных образов, ценностных установок, определенных стилей по-

литических рассуждений, которые, будучи артикулированными в дискурсе, выступают в роли операциональных кодов для расшифровки поведенческой стратегии политика.

Одним из новейших методов исследования политической ментальности, вербализированной в дискурсах политических субъектов, является *метод построения семантического пространства*. Данный метод предполагает построение многомерной типологии сознания политических лидеров на основе анализа штампов и клише в их лексике¹².

Переходя к вопросу о национальном своеобразии политической ментальности, современные исследователи обращаются к таким понятиям и концептам, как политическая культура, габитус, национальная идея, национальный дух.

В современной отечественной политической мысли определились два ведущих подхода к осмыслению российской политической ментальности. Первый подход можно определить как *почвеннический*. В почвеннической трактовке главными национальными чертами российской политической ментальности объявляются соборность, коллективизм, сакрализация государственной власти, византизм, идея сильного централизованного государства. Данный подход берут на вооружение консервативные общественные круги страны¹³.

Второй подход условно называется *западническим или либеральным*. В западнической трактовке особенности российской политической ментальности рассматриваются через призму противоречивого характера российского политического процесса, в котором периоды либерализации и модернизации сменялись эпохами авторитаризма, политической реакции и контрреформ. В свете данного подхода, представленного прежде всего в фундаментальных трудах А.С. Ахиезера, отмечаются такие черты российской политической ментальности, как *инверсионность* (резкая смена политических настроений и системы политических ценностей), *гибридность социокультурного и политического идеала* (соединение идеала соборности с идеалом авторитаризма), *слабое развитие медиации*, т.е. склонности к политическому и социальному компромиссу и др.¹⁴

В настоящее время делаются попытки организации диалога между почвенниками и западниками, посвященного проблемам идентичности российской культуры и определения базовых ценностных ориентиров россиян в условиях глобализации, новых политических реалий¹⁵.

На наш взгляд, данный диалог просто необходим. Его задача — выработать оптимальную для России национальную модель модернизации и интеграции в мировое политическое и экономическое пространство. Такая модель предполагает помимо изучения аналогичного опыта других стран, еще и глубокий анализ ментальных механизмов российской историко-политической динамики. Разгадку циклически повторяющихся срывов страны в авторитаризм и трудностей ее модернизации можно обнаружить в определенной *корреляции, существующей между процессами эволюции российской государственности и изменениями в российской политической ментальности*.

Корреляционный подход позволяет увидеть историко-государственные корни распространения в массовом политическом сознании россиян идеи необходимости для страны сильной централизованной власти, единственно способной навести

необходимый порядок. Данное массовое представление об идеальной модели российской власти культивировалось на протяжении многих веков самими государственными институтами страны, идеологами охранительного типа, представителями консервативных кругов. Реальные авторитарные политические практики, освещенные консервативной охранительной идеологией, сформировали соответствующий тип ментальности. В массовом сознании представления о сильной власти накрепко соединились с образами сильного единовластного правителя — царя, императора, генерального секретаря, президента. Подданнические установки в массовом политическом сознании россиян в эпоху либеральных реформ приходили в столкновение с другим типом ментальности — либеральным, опирающимся на иную систему ценностей, на идеал гражданского участия, на иной дискурсивно-идеологический комплекс.

Либеральный тип ментальности, в отличие от подданнического, сформировался значительно позже. Носителями данного типа ментальности являлись в основном аристократические круги русского общества и часть интеллигенции, чей голос слабо транслировался в подконтрольными властями системе политических коммуникаций. В связи с этим либеральная система ценностей и соответствующие ей поведенческие установки не получили в России статуса массовой политической культуры. Да и вся драматическая история российских либеральных реформ свидетельствует о незначительном влиянии либерализма на умонастроения и дискурсивные практики широких народных масс.

Современный процесс либерализации общественной жизни, интеграции страны в мировое сообщество сопровождается серьезными трансформациями национальных ментальных миров. Подданнический тип ментальности становится существенным тормозом для модернизации страны, и по логике вещей должен уступить место новому ментальному образованию, включающего либеральные установки на автономность и самостоятельность личности, на развитие гражданской инициативы.

Данный процесс сопряжен с большими трудностями, связанными с перестройками психологического, культурно-образовательного, воспитательного и прочего порядка. Противоречивость его протекания в современной политической жизни страны находит свое отражение и в характерном политическом дискурсе, где элементы подданнической политической культуры сталкиваются с либеральными ментальными установками.

В качестве модели такого рода столкновения двух типов ментальностей, получивших отражение в современных дискурсивных практиках, может послужить предложение В.В.Путина об изменении порядка избрания первых лиц субъектов Российской Федерации. С одной стороны, трагические события в Беслане говорят нам о необходимости изменения структуры государственного управления. Необходимо усиление властной вертикали и административного начала при принятии управленческих решений. Причем, данная проблема существовала гораздо раньше и только обострилась в настоящее время. Действительно, целый ряд решений Президента по ныне существующему порядку вещей проходит не только правовое согласование представительного органа субъекта РФ но и «субъективное одобрение» того или иного губернатора. Из СМИ

нам известен случай, когда решение президента о направлении силового подразделения одного из субъектов на федеральные цели прямо блокировалось губернатором.

С другой стороны, изменение порядка выборов первых лиц субъектов РФ по предложенной схеме рождает ряд мыслей. Во-первых, за антитеррористическую деятельность отвечают федеральные государственные органы и службы, руководимые на принципах единоначалия. Во-вторых, логическая связка «назначенный губернатор — нет терроризму» вызывает сомнения: действительно, почему выбранный губернатор не может быть хорошим борцом с терроризмом. В-третьих, упраздняя «выборность» губернаторов, народ отчуждается от непосредственного волеизъявления, тем самым неминуемо наносится удар по демократическим принципам и свободам. Чем закончится столкновение этих двух типов ментальности — остается только гадать.

¹ См.: Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // *Февр Л.* Бои за историю. М., 1999. С. 509.

² Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // *Одиссей.* Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991. С. 52.

³ Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII—XIII вв.) // *Одиссей.* М., 1991. С. 30.

⁴ Буро А. Предложения к ограниченной истории ментальностей // *История ментальностей и историческая антропология.* Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 66-72.

⁵ Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // *Вопросы философии.* 1988, № 1. С. 67.

⁶ См.: Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психологос. М., 1995. С. 22.

⁷ Там же. С. 183.

⁸ См.: Российская ментальность (материалы “круглого стола”) // *Вопросы философии.* 1994, № 1; *Мостовая И.В., Скорик А.П.* Архетипы и ориентиры российской ментальности // *Полис.* 1994, № 4; *Ануфриев Е.А., Лесная Л.В.* Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // *Социально-политический журнал.* 1997, № 3; *Ментальность россиян.* (Специфика сознания больших групп населения России). М., 1997; *Козловский В.В.* Понятие ментальности в социологической перспективе // *Социология и социальная антропология.* СПб., 1997; *Иванов В.Н., Назаров М.М.* Политическая ментальность: опыт и перспективы исследования // *Социально-политический журнал.* 1998, № 2; *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М. 2000; *Трофимов В.К.* Генезис и сущность русского национального менталитета. Ижевск. 2000 и др.

⁹ См.: *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. С. 158-159.

¹⁰ Там же. С. 165.

¹¹ *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики. С. 166.

¹² Там же. С. 56.

¹³ См.: *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М., 1999; *Начапкин М.Н.* Эволюция российской государственности (XIX — начало XX в.) и ее отражение в консерватизме. Автореферат на соискание ученой степени доктора политических наук. Екатеринбург. 2004; *Коробков Ю.Д.* Ментальные основы российской государственности // *Россия в поисках национальной стратегии развития.* Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург. 2003. С. 81-84.

¹⁴ См.: *Ахизер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. Изд. 2. Новосибирск. 1997.

¹⁵ См.: *Западники и националисты: возможен ли диалог?* Материалы дискуссии. М., 2003.